

*ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА СТРАН АТР***СИНТОИЗМ И ТРАДИЦИОННЫЕ
ЦЕННОСТИ ЯПОНЦЕВ****Д. АРАКАВА**, аспирантка ДВГУ

Синтоизм в Японии — это вера, возникшая из природы. Сиба Рётаро писал: «Думая о величине корня, когда смотрел на часть горной породы, почувствовал странность. Едва только благоговел перед чем-нибудь, очищал то место и не ступал в то без основания, чтобы не святотатствовать... лишь бы сохранить тот угол чистым, ведь там уже существует бог» (7, 7, 22). В синтоизме бог находится в природных явлениях, таких, как гром, горы, реки и другие природные объекты, в животных и растениях. Можно сказать, что это первоначальная религия в эпоху мифов. Древнее синто появилось путем наложения народных обычаев и почитания предков анимизма и не содержит ни догм, ни заповедей, а характеризуется словами: «Гора не должна читать проповедь верующим, как не должна формировать взгляды. Гора Мива посредством мимолетной бури просто делает намек тем, кто чувствует» (7, 52). Другими словами, абсолютной системы ценностей в синто не заложено. Вероятно, на Западе вызывает удивление тот факт, что эта первоначальная религия, до настоящего времени не содержащая догм, продолжает свое существование в обществе с такой высокоразвитой культурой, как сегодняшняя Япония. Однако мы считаем, что именно отсутствие абсолютной системы ценностей явилось основой развития Японии и причиной сохранения синтоизма. В синто нет понятия «абсолют». И в процессе изменения синтоизма со времен древнего синто до наших дней такая структура осталась без изменений.

В сознании японцев «бог» не представляет собой монотеистического бога, как в христианстве и исламе, а все окружающее их воспринимается как «то, что называется богом». У христиан или мусульман при слове «Бог» в голове, вероятно, всплывает единственная абсолютная сущность. Различие представлений о данном понятии является одной из основных причин заблуждений и ошибочного понимания культуры и идеологии других государств.

С точки зрения Запада Япония кажется странной, поскольку, перенимая западную культуру и в то же время не отказываясь от своих старинных традиционных идей, она является страной, идущей в авангарде современной цивилизации. В действительности Япония лишь дополняет

свою культуру, заимствуя только самое необходимое, при этом не теряя свою суть.

Однако воспринятая культура усваивается японским обществом не сразу. Поскольку изначально подобные вкрапления являются инородными, то, чтобы конечная форма превратилась в нечто однородное, нужно время. К тому же, заимствуя отдельные фрагменты, японцы четко не представляют себе, что получится в итоге. Поэтому и происходят столкновения с западным образом мышления.

ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ «ОКРУЖЕНИЕ»

С «открытием» Японии из зарубежных государств в страну проникла новая для японцев культура. Однако возникла проблема: как перевести на японский язык понятия, которых прежде не было. Ни слово «личность», получившее свое развитие на Западе, ни являющееся противопоставлением ему слово «общество» не существовали в японском языке до начала эпохи Мэйдзи. «Общество» — это понятие, основанное на истории формирования европейского общества, состоящего из «личностей». И, начиная с эпохи Мэйдзи, в обучении за основу было взято данное понятие. Однако японцев обуревают сомнения, на самом ли деле «общество» сформировано из «личностей». Вероятно, таким же образом, как японское понятие «бог» отличается от христианского, понятие «личность» отличается от исходного европейского. Как говорит японский историк Абэ Кинья в книге «Жить в японском обществе», в Японии между «обществом» и «личностью» существует еще один большой соединительный элемент — так называемое «окружение» («сэкэн») (2, 14). Слово «сэкэн» древнее, встречается в «Кокинвакасю» и «Гэндзи моногатари» и обозначает те человеческие отношения, которые японец считает единым целым с самим собой. Например, место работы, товарищи по институту или кружку, окружающие и т.д., т.е. «мир отношений с людьми, в общении с которыми ты заинтересован, и с людьми, с которыми ты, вероятно, будешь общаться» (2, 71). Для того чтобы быть принятым в «окружение», необходимо освоить отношения возрастной субординации, искусство преподнесения подарков и этикет ответной благодарности. Лишь после этого японец становится взрослым.

У японцев, кроме своего «я», есть «окружение» и людьми считаются только те, кто входит в это «окружение». Например, когда в новостях о случившейся за границей авиакатастрофе говорят, что японцев не оказалось, они все вздыхают с облегчением. В этот момент вся нация превращается в единое «окружение». Когда группа людей (например, члены кружка), входящих в какое-либо «окружение», отправляется в путешествие и т.п., внутри себя она образует одно большое «окружение». В ее восприятии только ее члены считаются в поезде людьми, и, несмотря на то, что все знают о существовании «окружения» из других людей, никто не задумывается о том, как их воспринимают со стороны. Следовательно, как невежливо бы вы ни вели себя по отношению к окружающим, это никого не волнует, и можно безо всяких угрызений совести вести себя, как вздумается. И даже те, кто следит за своим поведением, не выскажут вслух свое мнение по поводу неприличных поступков других людей, поскольку это ухудшит атмосферу, и они не говорят, потому что больше дорожат «окружением», к которому принадлежат сами. Потреб-

ление пищи и напитков, а также накладывание макияжа в поезде, о чем сейчас много говорится, тоже объясняется тем, что, когда кто-либо едет в поезде в одиночку, можно вести себя как угодно, поскольку нет людей из его «окружения». Другие в поезде людьми не воспринимаются. Таким образом, «окружение» замкнуто в себе и избирательно (2, 16—19).

«Окружение» возникает и за границей. Например, когда два незнакомых японца случайно там встречаются, они обмениваются взглядами, полными даже не «холодности», а «враждебности», которые, как утверждает японский социолог Наканэ Тиэ, вызывают нервозность, связанную с переживаниями из-за отсутствия опыта общения с «чужаками» (6—50).

С этим сильно контрастирует естественная манера людей не воздвигать стену между собой и другими. Вот примеры. По словам Сиба Рётаро, во время пребывания в Голландии, когда он заходил в аудиторию, где проходило совещание, все сразу переходило с голландского языка на английский. Или по свидетельству Наканэ, когда она в Америке в университете заходила туда, где китайские ученые обсуждали что-то по-китайски, они сразу же переходили на английский (6, 48) (4, 127).

Для японца наиболее важным является «окружение», и, пока живешь внутри него и соблюдаешь его правила, все идет благополучно. Поэтому японцы живут так, чтобы «окружение» не отзывалось о них плохо. Иначе говоря, «окружение» регулирует действия людей. Например, когда какой-нибудь политик становится причиной скандала, он должен сказать: «Прошу прощения за то, что поднял шум в окружении». Слово «окружение» означает не общество, а группу, к которой он принадлежит и у которой просит прощения (2, 78). Даже если этот человек является лидером данной группы, «окружение» может осуждать и не защищать его.

Начиная с эпохи Хэйан (IX—XII вв.), японское общество зиждилось на отношениях между людьми. И от «окружения», например, в случае со знатью в эпоху Хэйан, от того, связана ли она с императорской семьей или нет, зависел ее образ жизни и статус. «Окружение» знати образовывалось независимо от способностей и качеств человека, входящего в это «окружение». Это была некая данность, «которая предоставлена сама себе; та, внутри которой человек находится» (2, 92).

Для японцев также очень важно, чтобы чужое и свое «окружение» относилось к ним положительно, поэтому придают большое значение равенству и чутко реагируют на неравенство. Им нравится, когда «окружение» высоко ценит и хвалит своего члена. Но в то же время у других может возникнуть чувство ревности к подобному вниманию, если оно направлено не на них. И, чтобы не вызывать подобных ситуаций, желательно сильно не выделяться на фоне других. Для японцев «позор» — это стыдно, когда подобную оценку разделяют все члены «окружения». Позор это не чувство страха быть подвергнутым осуждению другими, а насмешки окружающих над недостатками и невежеством человека. Таким образом, человек старается не позориться в «окружении», а если ведет себя постыдно вне «окружения», то не считает это позорным. Поскольку это не свое «окружение», он не связывается с этими людьми. Подобную ситуацию характеризует пословица: «Таби но хадзи ва какисутэ (в путешествии стыд отбрасывается)» — «Вне дома стыда нет» (8, 62, 104—106).

Наличие «окружения» говорит об отсутствии «личности». Почему же «личность» не пустила свои корни, когда в Японию проникли

западноевропейские идеи? Неужели в Европе не было «окружения»? По словам Абэ, и в Европе существовало «окружение» примерно до XII в. В исландских сагах (мифах) нет понятия «личности»: хотя в них личные имена и даются, но каждый человек заслоняется группой, поэтому внутренний мир совсем не показан. На это есть объяснение: когда человек родился, в процессе роста его еще нельзя назвать «личностью». «Личностью» он становится тогда, когда открывает глаза на свой внутренний мир и начинает сам себя оценивать. В сагах говорится о мести, где на карту поставлена жизнь. «Когда человек поглощен группой, он почти не жалеет свою жизнь» (2, 67). То же проявлялось и в японских штурмовых отрядах смертников, в которых во время второй мировой войны солдат учили умению отождествлять себя с группой.

Но как же все-таки родилась «личность» в Европе? В средневековье там поддерживался жизненный уклад, при котором богам, покровительствовавшим каждый свою область жизни, подносили дары и просили у них защиты. Иначе говоря, существовали такие же отношения дарения и ответной благодарности, как и в Японии, где на новый год ходят в синтоистские храмы и возносят молитвы, при родах посещают Суйтэнгу: (храм в честь бога воды). Однако в XII в., вместе с начавшейся в мире рационализацией христианство проникло в глубь деревни, и подобные обряды стали недопустимыми и были отвергнуты как суеверия. Кроме того, в 1215 г. обязательной для всех христиан стала исповедь (признание перед лицом священника своих грехов). Люди стали говорить о своем внутреннем мире, признавая тем самым его важность. Так и появилась «личность» (2, 39). Христианство определило, что не существует различных богов, управляющих природой, а есть только отношения между единственным богом и «личностью».

В Японии сохранились и другие отношения дарения и ответной благодарности. До настоящего времени согласно лунному календарю предпочтительно проводить брачные церемонии в благоприятные дни. И похороны не принято проводить в неблагоприятные дни. Помимо этого люди молятся о процветании своего бизнеса и посещают Тори-но-ити (трехдневный народный праздник с ярмаркой).

В Японии и сейчас внутри жизненного уклада существует вера в божества. На протяжении всей истории в стране не было кампаний по изгнанию и борьбе со всем иррациональным и магическим. По этой причине (если сравнивать с Европой) до эпохи Мэйдзи не существовало понятий «личность» и «общество», люди жили только с понятием «окружение». Начиная с эпохи Мэйдзи, была внедрена европейская передовая законодательная система и система образования через осознание личности. Однако человеческие отношения внутри семьи не были приведены в соответствие с европейским стандартом. Таких намерений, в общем-то, и не было. Кажется, что у современных японцев развито осознание личности, но все-таки еще глубже сидит «окружение». По словам Абэ, японская «личность», вероятно, отличается от того, что называют «личностью» в Европе. Страны Европы и Америки пытаются смотреть на Японию, модернизовавшуюся, заимствовавшую европейскую культуру, как на страну, которая должна иметь понятия, идентичные их понятиям. Причиной непонимания, вероятно, являются понятия «личности» и «окружения».

ПОНЯТИЕ ГРЕХА И СМЫСЛ «ОЧИЩЕНИЯ»

В Японии понятие Бога (исключение — немногочисленные христиане и мусульмане) отличается от аналогичного у христиан и мусульман других стран. Также есть отличие и в понятии греха. В синтоизме считается, что грех является не только личным, но и всеобщим. Если под «скверной», в основном, подразумевается собственная «грязь», значит грех, это то, что нарушает порядок и обычаи и является опасным для общества. Также в зависимости от степени опасности различают несколько видов греха, причем ответственность не ложится на субъекта, осуществившего его. Кроме того, в любом случае причина не в том, кто это действие совершил, а во внешней среде, подталкивающей к подобному поступку (1, 176—177). После совершения преступления человек признает свою вину, объясняя, что случайно сделал это, а не умышленно. И его тревожат не угрызания совести, а то, что в ближайшем будущем он будет арестован и наказан (8, 176—177).

По словам французского ученого-специалиста по сравнительной филологии Робера Херца, в тех культурах, где этическое определение зла и конкретное материальное зло (поступок) четко не разграничены, человек тем не менее не остается безнаказанным, так как испытывает либо угрызания совести (если она у него есть), либо соответствующее отношение со стороны окружающих лиц.

В частности, похожая картина наблюдается в отношении японцев ко второй мировой войне, которую они воспринимают в настоящее время как уже уладившееся фатальное и неотвратимое «нарушение порядка». Поэтому на требования пострадавших стран об извинениях Япония не просто, как часто говорят, не обращает внимания, а не понимает, чего все они требуют. По их мнению, совершившим преступление раскаяния не требуется. Есть определенные способы устранения последствий преступления. Но если в случае второй мировой войны это компенсации и экономическая помощь пострадавшим странам, то в древности это были ритуалы. По словам Робера Херца, смысл ритуала заключался не только в очищении нечистого, главным было возвращение нечистого в надлежащее место (1, 177—178). За преступлением следует наказание, но оно часто проявляется как «гнев (возмездие) богов». В таких случаях от греха избавляются с помощью священнослужителя. В отличие от скверны самостоятельно это сделать невозможно. Это называется молением.

Среди вещей, схожих с молением, есть очищение. Очищение — процесс очистки после соприкосновения со скверной. В современной Японии слово «очищение» наиболее часто употребляется политиками и предпринимателями. Например, политик, после того, как вокруг него разразился скандал, берет на себя ответственность за «преступление», — «он поднял шум в окружении» и на некоторое время отходит от политической деятельности. А по прошествии какого-то срока возвращается со словами «очищение завершилось». В этом случае «преступление» также заключается в том, что «окружению» было доставлено беспокойство и был нарушен порядок. Неясно, каким образом происходит оценка, завершилось очищение или нет, и, похоже, это самое «завершение очищения» наступает тогда, когда сам политик посчитает: «этого уже достаточно и, наверное, окружение простит». Никто не задумывается, почему получился

скандал, какова его причина. Если все, что связано со скандалом, устранено, считается, что проблема разрешилась, и возможно повторное возвращение на политическую арену.

В японских организациях никогда никто ничего не решает в одиночку, всегда к этому имеют отношение вышестоящие и подчиненные работники, и когда появляется какая-либо проблема, происходит нечто негативное, наказывают не весь коллектив, а нескольких его членов. Таким образом, по представлениям японцев, если смыть скандал, «спустив его в воду», все вернется в первоначально чистое состояние. Думаем, что этот синтоистский термин является пиком проявления сохранившегося в Японии влияния синто и наглядным проявлением японской традиции «отбора только самого удобного» и использования его по своему усмотрению.

В Японии совершивший преступление и ставший подозреваемым, даже если еще продолжается суд, из «окружения» изгоняется не только он сам, но и его семья. Почему окружение игнорирует и сторонится семьи преступника? Как утверждает Абэ Кинъя, это одно из проявлений «скверны» (2, 31—35). Среди статей кодекса «Дзээй» от 1232 г. эпохи Камакура есть понятие так называемой «присяги». Если двое никак не могут договориться по какому-либо вопросу, они подписывают «присягу», в которой обещают не давать ложных показаний. Затем на 14 дней уединяются в синтоистском храме, и если в течение этого времени случится болезнь, смерть близких родственников, появится грешник среди детей или родителей, попадание птичьего помета на человека, падение лошади, на которой ехал и т.д., значит, кто-то из них солгал. Болезнь, кровь, смерть, грешники и др. — все это проявления скверны, лежащей на данном человеке, и «присяга» этого человека не была искренней. Кроме того считалось, что если человек не содержит себя в чистоте и не находится в гармонии с природой, он не заслуживает доверия. Для того, чтобы случайно не попасть в подобную ситуацию, необходимо смиренно жить и бережно относиться даже к каждой травинке или букашке, иначе навлечешь на себя какую-нибудь беду. Такова основа, которой придерживаются японцы при оценке личности.

Как утверждает Абэ, японцы по отдельности, будучи «личностями», не формируют «общество». Его создает «личность» и его семья, у которых общая судьба. Человек же впервые становится личностью внутри «окружения». Если «окружение» его не признает, то вместе с ним изгоняется из «окружения» и его семья, потому что и на семье лежит скверна и она не может общаться с «окружением». Так японцы заботятся о своей «репутации» (2, 23).

МАГИЯ СЛОВА

В древние времена люди во всем мире верили в силу слова. Японцы тоже верили в так называемое «котадама» (магия слова). И даже сегодня это влияние в некоторых случаях заметно. Более широко известно выражение «ими котоба» (запретное слово). Оно служит косвенным выражением мысли о зловещих предметах, грехах с использованием других слов или вообще обозначает табу. Например, нельзя дарить большому цветы «Сикарамэн» (цикламены), так как в слове содержатся слоги «си» и «ку», которые в японском языке обозначают «смерть» и «страдание». Также в общественном месте не принято туалет «кавая» называть туалет-

том. Если японцы хотят сказать слово «туалет», то они используют слова замены. Например, «мытьё рук», «посещение комнаты для косметики». Кроме того, идет осторожный подбор слов и в газетах, чтобы не увидели смысл, связанный с дискриминацией. Если политики используют подобные слова на публике, они сразу встретят сопротивление со стороны организации по защите прав человека.

Книжка «Тибикуро Санбо (Маленький негренок Санбо)» долгое время была любимой сказкой японских детей. Однако недавно стали поступать жалобы по поводу названия. По мнению американцев, слово «Куро», которое обозначает черный цвет или негроида, несет в себе отзвук дискриминации, считается очень оскорбительным и его нельзя употреблять даже в сказке. Слово «коку дзин», обозначающее по-японски «чернокожие люди», тоже звучит как дискриминирующее и его запрещено использовать в средствах массовой информации. Вместо него употребляют слово «афроамериканец» и др. В конце концов название детской книги было заменено.

Однако чувство дискриминации не исчезает в результате запрещения слов, она просто маскируется словами, но в душе это чувство остается. Данная проблема актуальна везде. Но, как утверждает психиатр Дои Такэо, ситуации в Америке и Японии, которые являются противниками некорректных выражений, на самом деле отличаются (3, 233). В Америке во главу угла ставится сама идея «politically correct — политическая корректность (использование слов и выражений, правильных с точки зрения политики и отвечающих времени)», а в Японии ставится проблема лишь отдельных слов. Если подходить с позиции японских «ими котоба» (слова табу), то существует опасность, что все закончится простым перефразированием. Синтоистское слово 「忌む」 ИМУ(1) обозначает избегание грязи (грехов и нечистоты) и сохранение себя духовно и физически в чистом состоянии, но оно также может быть выражено как 「斎む」 ИМУ(2), что означает в древнем синто «быть воздержанным по отношению к богу (чистоте)» (3, 235). По указанию Такатори Масао и Хасимото Минэо в книге «До религии», слово 「忌む」 ИМУ(1) опускалось с 「斎む」 ИМУ(2), как существенная религиозность и само суеверие (3, 235). Понятия чистоты и загрязнения соответствуют понятиям святого и земного в христианстве. Японцам уже пора думать об идее, стоящей за внешней формой, а не только принимать форму, думая по-настоящему о значении 「斎む」 ИМУ(2).

Писатель-историк Идзава Мотохико в произведении «Котодама II» написал о силе слов «котодама» и их влиянии на японское общество. Считается, что в «котодама» заключена большая сила, и если что-нибудь скажешь, то это произойдет, и наоборот, если не хочешь, чтобы произошло, то не говори об этом. Японцы считают, что слово, сказанное молитвой, ускоряет реализацию его смысла. Проклятия тоже имеют подобную силу, хотя и не произносятся в молитве. Поэтому люди боятся говорить их и не любят даже шутить на их счет (5, 15). Говорят, что японцы не умеют управлять кризисными ситуациями, потому что раньше в Японии у политиков не было задачи решать конкретные пути выхода из проблемных ситуаций, обулаивать общественную систему. Скорее политика представляла собой некое религиозное мероприятие для молитв за удачу японцев или страны в целом. Иероглиф «политика» читается как «Мацури гого» (праздник) и выразительно демонстрирует

сознание японцев. Слово «мацуру» значит служить, угождать, ублажать, обожествлять богов и духов. Оно приравнивается к стилю ведения политики в древней Японии (5, 147).

В настоящее время это понятие сохраняется, и японцам не нужно управлять кризисными ситуациями или предугадывать будущее. Тогда как другие народы, не рассчитывающие на помощь «котодама», конкретно и реально решают складывающиеся ситуации, японский народ верит в силу духов «котодама» и полагает, что нужно только молиться. Содержание их молитв — всегда о розовом будущем и везении. Японцы совершенно не говорят о плохих приметах и не позволяют другим говорить на эту тему (5, 148).

Конечно, утверждение Идзава слишком категорично, но мы думаем, что в нем есть что-то характерное для японцев. Япония — островное государство с мягким климатом, расположенное на отдаленной безопасной территории. Поэтому ей не надо было готовиться к худшему. Более важным было сохранять согласие в обществе и молиться богу для благополучия. В наше время мир становится теснее, и Япония не может жить изолированно. Люди понимают, что старые представления теперь не имеют значения в современном мире, и осознают необходимость соответствовать требованиям мирового стандарта. Таким образом, взгляды и суждения японцев постепенно меняются. К тому же в синто отсутствует понятие «абсолют». Это значит, что японцы склонны думать обо всем относительно, нежели абсолютно. В японском языке можно проиллюстрировать это предпочтением частого употребления окончаний, выражающих неуверенность, например, «дэсё» или «дэароу», и постоянной недосказанностью фраз до конца.

Для японского языка характерна туманность сущности смысла. Она связана с желанием уклониться от категоричности. Главной идеей японцев является сосуществование в мире, лишь бы не называть вещи своими именами и ясно определять их. На Западе требуется ясность слова и смысла, следуя идее абсолютности (4, 164). Об этой особенности русский японист А.А. Накорчевский написал следующее: «Нелюбовь к абстрактному философствованию, характерная для японской культуры в целом, и (характерна) возведенная в эстетический принцип недосказанность, незавершенность, намек. Это стремление избежать однозначности истолкования, оставляя тем самым возможность для бесконечного перелива смыслов и значений имеет свой минус — препятствует ясному пониманию и истолкованию тех или иных понятий. Отсутствие четких границ между, скажем, «своим» и «чужим» намного облегчает процесс заимствования, который сам по себе стал неотъемлемой чертой японской традиции» (1, 71).

Но, как говорилось выше, после Реставрации Мэйдзи Япония, в которой господствовало относительное понимание мира, двигалась к Западу, где преобладала абсолютная идея. Во время такого сближения люди ощущали разницу между японской и западной культурами и страдали от возникающих между ними противоречий. В результате появилась проблема оценки новых приоритетов, пришедших в их культуру. Отсюда появление комплекса у японцев перед Западом, который главным образом основался на неуверенности в себе. Япония растерялась, посчитав, что на Западе лучшая культура, чем у нее. Эти вопросы мы рассмотрим в следующем параграфе.

«АМАЭ» — КАК СИМВОЛ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В японском языке есть много слов, связанных с «амаэ» — надежда на любезность, щедрость, помощь; эмоциональная зависимость. С этим словом ассоциируются СУНЭРУ «капризничать, дуться», ХИГАМУ «ненавидеть без основания, иметь предубеждение», ХИНЭКУРЭРУ «быть извращенным, несговорчивым», НАЦУКУ «привязываться», УРАМУ «быть в обиде, сердиться, питать злобу», ОТИЦУКУ «успокаиваться» и другие слова (3, 110—111). Психиатр Дои Такэо в своей книге «Анатомия амаэ» говорит об «амаэ», которую часто замечают в японцах, и о ее влиянии. «Амаэ» подразумевает духовную зависимость и поэтому не может одобряться с точки зрения современного мышления, т.е. западной и современной японской идеологий, так как личность должна быть самостоятельной. Если придавать слишком большое значение независимости каждого и не пытаться признавать существование власти, которая имеет превосходство над личностью, то люди начинают думать, что справедливо и законно только их право. Получается, что коллектив и даже семья теряют свое основополагающее значение.

Если ослабевает ощущение порядка, то теряется уважение к вышестоящему лицу и сдержанность в поведении, идущая от осознания своего положения. Тогда общество становится горизонтальным, превосходство начинает считаться «неравенством» и вызывает зависть, а если начинает господствовать зависть, то в любой момент может произойти взрыв (3, 118—124).

Отношения матери и ребенка на начальном этапе основываются на взаимном доверии, ребенка балуют, т.е. ребенок уверен в том, что мать любит его, не покинет никогда и он может спокойно баловаться. Если человек испытывает это на себе, то потом он может стать независимым. Но в случае, если хочется, чтобы к тебе относились с нежностью и баловали, а это не получается, то со временем закрепляется чувство противоречия, которое может развиваться в чувство неуверенности и будет тормозить движение вперед (3, 109—110).

Также увеличивается число «неспокойных» людей. «Успокоиться» означает, что человеку есть куда деваться, есть свое место и человеческие отношения, дающие душевное спокойствие. Если в душе у человека есть объект, благодаря которому можно надеяться на помощь, он становится «спокойным» (3, 111—112). Дои Такэо говорит о том, что если не воспитывается «амаэ» в таком смысле этого слова и в основе человеческих отношений не хватает доверия и успокоения, чувства надежности, то резко растет преступность и увеличивается число душевнобольных, как это наблюдается в настоящее время в Японии.

Общество, чьим девизом является равноправие мужчин и женщин, отвергает идею о том, что мужчина должен защищать женщин и детей, заботиться о них. Но если семейные отношения становятся чисто «горизонтальными», то родители перестают баловать ребенка, и ему приходится испытывать на себе эгоизм взрослых. Однако человек изначально, именно благодаря «амаэ», включается в человеческие отношения, учится доверию и становится самостоятельным. Даже если его не балуют, то потребность в создании отношений с людьми не исчезает. В одиночестве жить невозможно, поэтому такие люди с помощью секса и насилия

пытаются заставить остальных с ними общаться. И в этом уже заключается патология «амаэ» (3, 126—130).

К концепции «амаэ» близка психология «гэйго» (угодливость, угождать, согласие, данное из желания угодить, приспособленчество). В японском языке существует много слов, связанных с этим понятием: КОБИРУ — «подлизываться», ХЭЦУРАУ — «заискивать», ОМОНЭРУ — «обхаживать», ТОРИИРУ — «снискать расположение, втереться в доверие», СУРИЁРУ — «прильнуть, прижаться», ОДАТЭРУ — «подхалимничать», КИГЭН О ТОРУ — «ублажать», О-СЭДЗИ О ЙУ — «говорить комплименты, подхалимничать», ГОМА О СУРУ «льстить» и другие. Предпосылкой к собственно «амаэ» является доброжелательное отношение собеседника к вам, но «гэйго», когда вы, держась уступчиво, пытаетесь понравиться, напоминает стремление к тому, чтобы побаловали и приласкали. Можно сказать, что «амаэ» падает так низко, что превращается в «гэйго». Распространенность «гэйго:» в обществе проявляется в частом использовании таких выражений, как НАГАЙ МОНО НИ ВА МАКАРЭРО — «Плечью обуха не перешибешь» и НАКУ КО ТО ДЗИТО: НИ ВА КАТЭНУ «против плачущего ребенка и против дзито: (чиновник-помещик) не пойдешь». «Гэйго:» стоит рядом с понятием избалованности, испорченности, изнеженности. Кажется, что такое поведение направлено на то, чтобы понравиться собеседнику, но на самом деле человек сам извлекает из этого выгоду. И часто так поступают неосознанно (3, 132—134).

Тот же Дои говорит, что японцы любят доброту, ласковость, нежность, но это не то чувство, которое идет из глубины сердца, а доброта от «амаэ», нацеленная на отношение собеседника. Молодежь уже не в состоянии терпеть такую лицемерную ласковость, и разве не это является причиной смуты в обществе, когда десятилетние совершают преступления (3, 135—136).

Угодливость и сотрудничество — это две стороны одной медали. В Японии слова ВА ВО МОТТЭ ТО:ТОСИ ТО СУ (Гармония самое благородное качество в обществе) имеют наивысшую ценность. Считалось, что если необходимо, то лучше согласиться, уступить и сохранить мир. Это источник таких понятий японцев, как ХОННЭ — «истинные намерения, затаенные мысли» и ТАТЭМАЭ — «высказанное мнение» и коллективной целеустремленности. Но в настоящее время люди перестали ценить согласие и компромисс, поэтому сотрудничество нередко легко превращается в сообщничество и угодливость.

В Японии считается, что согласие — это хорошо, поэтому спор и критика рождаются редко, чаще спорящие угождают друг другу. В обществе процветает «амаэ», и люди ведут себя как дети. Политикам необходимо заработать популярность, поэтому они стараются ублажить народ, уловить его настроение. Об особенностях человека в обществе, определяемом сознанием масс, говорит испанский философ Ортега-и-Гассет: «Желания раздуваются до бесконечности, то же самое происходит и с личностью. И к тому же это неблагодарность по отношению ко всем, кто облегчает жизнь. Такие две особенности идентичны психологии избалованного ребенка» (3, 140). Оправдывается преследование своей выгоды, люди приспособляются друг к другу, угождают и не понимают, что же на самом деле более важно. Поэтому даже в критические моменты многие не в состоянии осознавать опасность (3, 136—140). Это действительно одна из черт современной Японии, хотя многие ее не замечают.

Мать в Японии ни на шаг не отходит от младенца и постоянно обращает на него внимание, но это потому, что ребенок изначально считается беспомощным. Такой метод воспитания детей поддерживает потребность быть любимым, когда ты беспомощен, и способствует созданию общества, которое может откликнуться на это. Человек действительно по сути является беспомощным существом, это невозможно ни устранить, ни уладить, а в лучшем случае можно только пожалеть людей в таком состоянии и посочувствовать им. Японцы называют это любовью и привязанностью, а буддизм развивает это чувство (3, 167—169).

Автор хотела сказать, что «амаэ» не является отличительной чертой японцев. Например, в английском языке нельзя выразить «амаэ» одним словом, но само понятие распространено повсеместно. Однако в японском языке есть очень много слов, связанных с «амаэ». Эта концепция лежит в корне существования японцев и японского общества, и когда они встретились с западной культурой, где дорожат самостоятельностью, то, принимая на поверхности идею автономии, они в глубине души сохранили идею «амаэ», поэтому появилось много психически неуравновешенных японцев. Однако Дои также считает, что и европейцы с американцами только в период Ренессанса увидели, что на всезнающего и всемогущего бога положиться нельзя, и перестали в него верить. А в результате осознания того, что о себе нужно заботиться самому, главную роль стали играть концепции автономии и самопомощи. Ребячество, которым человек наделен от природы, поставили в строгие рамки, поэтому возросло число людей с больным сердцем (3, 177—178).

Дои писал: «На Западе в настоящее время религия пришла в упадок, люди потеряли опору, сердце опустошено, появилось много душевнобольных. Разве не потому это произошло, что религия связала себя с властью и стала неким украшением в месте, не имеющем никакого отношения к сути религии. И в Японии государственный синтоизм стал орудием, которое привело к войне. Вот так союз религии и власти всегда терпит крах» (3, 227—228).

Однако Дои говорит о том, что в Японии традиционно мирно сосуществуют несколько религий. Говоря о религиях, думают о вершине горы, к которой ведет много путей. Такая многоликость японцев говорит о неумной готовности стремиться к универсальному и преклоняться перед тем, что выше тебя. Разве это не означает, что в душах японцев сохранилась простая, безыскусственная религиозность (3, 229—232). Человечеству необходимо существование чего-то святого, превосходящего людей, и пусть даже это не какая-то конкретная религия, необходимо учиться дорожить этим. Мы полагаем, что одним из критериев может стать концепция синто КАН-НАГАРА (жить так, чтобы бог радовался), или это может быть нравственная сущность синто, которая усматривается в понятии 「齋む」 ИМУ, рассмотренном выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как Япония должна будет показывать себя миру в мировом течении глобализации? Мы предлагаем два пути. Первый путь: если западное мышление — интеллектуальное и разумное, то японское — эмоциональное. Если, как написал А.А. Накорчевский, Запад — христианство, исполняющее роль сурового отца, то Япония — синто, т.е. мать,

всепрощающая и заботливая в отношении детей (1, 169). Но в мире под названием семья зачастую не хватает либо отца, либо матери. Япония не могла бы найти такую роль, в которой открыто и безоговорочно приняла бы философию Запада (отца). К тому же на сегодняшний день на Западе люди устают от строгости христианства и ищут более свободный по вере духовный центр, который мог бы их спасти. Япония обладает религией, которая способна дать окружающим то, что им нужно. Поэтому пусть они приходят к нам.

Второй путь: активно заниматься сравнительными исследованиями о Японии. Нужно обмениваться информацией с учеными и людьми всего мира. Взгляды иностранцев расширят диапазон исследования Японии. Хватит дискутировать на тему, что Япония — «особенная» страна. Необходимо искать возможности объединить Страну восходящего солнца со всем миром.

Со своей стороны японцы должны тщательнее изучать другие культуры, понимать их суть, пересматривать, сопоставлять с нынешней ситуацией в японском обществе, заново делать «отбор только самого необходимого». Но принимать нужно не поверхностно, а хорошо анализировать свою и воспринимаемые культуры для того, чтобы достичь всеобщей гармонии.

Сегодня религия во всем мире становится средством политики. Она приходит в упадок и уже не может спасти людей, что вызывает у них нравственное опустошение. А, как сказал Дои Такэо, принятие разных религий и стремление к святому и универсальному означает, что у японцев пока сохраняется простая религиозность (3, 231). Поэтому для современных людей (не только японцев), вероятно, моральная квинтэссенция синто сможет указывать правильный путь жизни, т.е. почитание святого существа превыше всего. Для этого необходимо обладать такими синтоистскими понятиями как: «КАН-НАГАРА» — поступать так, чтобы боги были довольны и радостны, «МАКОТО» — жить «по совести — быть открытым, честным, прямодушным, справедливым», «ИМУ» — быть духовно чистым перед богом (1, 187). Все это в конечном итоге может стать одним из критериев образа жизни во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Накорчевский А.А. Синто. СПб., 2000. 464 с.
2. Абэ Кинъя. Нихон сякай дэ икиру то иукого (Что значит жить в японском обществе). Токио, 1999. 210 с.
3. Дои Такэо. Зоку «Амаэ» но ко:зо: (Анатомия «Амаэ»: продолжение). Токио, 2001. 240 с.
4. Кин Д., Сиба Ретаро. Сэкай но нака но нихон (Япония в мире). Токио, 1992. 214 с.
5. Идзава Мотохико. Котодама II (Магия слова. Почему японцы не хотят смотреть факт). Токио, 1997. 200 с.
6. Наканэ Тиэ. Татэ сякай но нингэн канкэй (Отношения между людьми в вертикальном обществе). Токио, 1967. 189 с.
7. Сиба Ретаро. Конно куни но катати:5 (Образ этой страны — Японии: 5). Токио, 1996. 206 с.
8. Такэути Ясуо. Нихондзин но ко:до: бунпо: (Грамматика социального поведения японцев). Токио, 1995. 378 с.

SUMMARY. “Sintoism and Traditional Centers of the Japanese” — is the title of the article by D. Arakava, a post-graduate of the Far Eastern State University. The article deals with the peculiarities of Sintoism as religion, and its influence on the mode of life of the Japanese.